

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: TENDENCIES AND PROSPECTS

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21

Научная статья

Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения

М.М. Мчедлова¹, Е.Н. Кофанова²

¹Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

^{1,2}Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117218

Аннотация. Религиозный фактор сегодня помещается в центр теоретических и общественных дискуссий, затрагивающих осмысление и оценку форм проявления в различных сферах общества: внутрицерковных, частных, публичных и политических. Разнообразие исследовательских фокусов выстраивает вариативность интерпретаций воздействия религиозного фактора на политический процесс, в том числе и в России. Политические коннотации религиозного фактора, применительно к внутривнутриполитической сфере, предполагают выявление специфики воздействия, в частности и на характер социально-политических запросов, оценку ситуации в стране, видения путей развития, единства или демаркационных линий в массовом создании и поведении. Запрос на перемены в российском обществе разделяют все религиозно-мировоззренческие группы, что подтверждается социологическими исследованиями. Данный запрос конкретизируется в желании реформирования политической системы в сторону большей открытости, с одной стороны, а с другой – в сторону обеспечения государством социальных гарантий и обеспечения эффективности институционального функционирования. Вопрос о политической субъектности и о готовности к определенным действиям фиксирует неравный активизм среди представителей различных религиозно-мировоззренческих групп. Наполнение образа желаемого будущего смыслами социальной справедливости, связанными не только с доступом к базовым социальным благам, но также с равенством всех перед законом, обеспечением демократии и прав человека, а также универсальным геополитическим смыслом, подтверждает общность основных параметров со-

© Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

циально-политического характера, демонстрирующих, что глубинных препятствий мировоззренческого характера для артикуляции общих интересов – направленных на социально-политические перемены или на поддержание традиционных оснований – не существует. В разрезе российской поликонфессиональности, наличия светских и религиозных идентичностей данный вывод имеет ключевое значение для обеспечения социальной консолидации. Статья основана на данных общероссийского репрезентативного исследования Института социологии РАН 2018 года (N = 4000), в котором авторы принимали личное участие.

Ключевые слова: религия, политика, религиозно-мировоззренческие группы, перемены, справедливость, политическая система, политическое участие, социально-политические предпочтения, образ будущего, Россия

Введение

Пересмотр традиционных интерпретаций организации политического и, прежде всего, логики властвования и управления отражается в новых подходах к объяснению связи религии и специфики социально-политических трансформаций и управленческих практик. В фокусе поиска новых объяснительных моделей находится достаточно широкий спектр интерпретаций: от политико-институционального до мировоззренческого изменения статуса религии. Разнообразие форм зримого и активного возвращения религии в различных формах в публичное пространство определяет и различные исследовательские призмы анализа: от политико-институциональной, культурно-цивилизационной, мировоззренческой до алармистской. Среди основной концептуальной проблематики следует вычленить следующие сюжеты: роль религии в становлении нового Мирового порядка, государственно-церковные отношения, религия в качестве критерия социокультурной идентичности и возможности политической мобилизации и политического участия, основанных на религиозных референтах [1]; технологии и формы межрелигиозного взаимодействия; проблема светскости и свободы совести, религиозность и политические предпочтения, статус и деятельность религиозных организаций как социально-политических институтов и субъектов политического целеполагания [2].

Актуализация религиозного параметра политического процесса в России в условиях российского поликонфессионального устройства ставит перед исследователями проблему осмысления ряда ключевых моментов социально-политических структурных изменений: акцептацию религиозных оснований идентичности и обеспечение ценностной целостности общества, поиск определенной новой логики и философии государственной политики, активизацию деятельности религиозных лидеров, организаций и объединений¹, новые вызовы и угрозы современности, связанные с религиозными смыслами.

¹ Сейчас в России зарегистрированы 31 392 религиозные организации более 60 различных конфессий. За последние пять лет появилось 2927 религиозных организаций, а с начала 2019 года – 483 (данные приведены по состоянию на 30 сентября 2019 года) [3].

Политические коннотации религиозного фактора в России предполагают обращение не столько к собственно религиозности, сколько к новым смыслам и явлениям на границе пересечения религии, политики и общества. Одним из контекстов является отношение и оценка последствий так называемого «Религиозного возрождения» (см., например: [4]) в России. Существующие дискуссии относительно форм проявления данного феномена – внутрицерковных, частных, публичных и политических – затрагивают различные сферы общества и исследовательские фокусы. Так, потребность российского общества в ценностной консолидации, в «возрождении национального духа» звучит и в заявлениях религиозных лидеров: «чем сильнее дух, тем сильнее потенциал человека, чем сильнее дух народа – тем сильнее его потенциал. Если человеку невоцерковленному, далекому от церкви, в двух словах сказать, для чего нужна церковь – церковь... нужна для того, чтобы был силен дух нашего народа» [5]. Одновременно, дискуссии о светскости и законодательной регуляции сферы, связанной с религией, становятся предметом рассмотрения в Конституционном Суде [6; 7].

Из всего широкого спектра новых форм взаимоотношений государства, религиозных организаций и общества, в том числе в неполитических сферах, выделяются вопросы: какова реальная корреляция религиозности с повседневными социальными практиками, запросом на перемены, каково реальное восприятие религиозных институтов и Веры населением России; каковы пределы негативного и позитивного внедрения религиозных смыслов и институтов в общественные и политические сферы. Одновременно немаловажным в России является ответ на вопрос: существует ли водораздел между религиозно-мировоззренческими группами либо общероссийская идентичность и общее ценностное пространство обеспечивают единый вектор социальных практик, сознания и запроса на будущее.

Результаты исследования

Констатируемый многими экспертами и аналитиками запрос на перемены, подтверждаемый различными формами социального недовольства, фиксируется и социологическими данными. К осени 2018 г. впервые за последнюю четверть века каждый второй россиянин пришел к выводу, что страна нуждается в существенных переменах. Ранее большинство было против кардинальных реформ – настолько глубоко в массовом сознании укоренился страх перед ними, памятью о «шоковой терапии» начала 1990-х. В данных координатах логичным представляется вопрос: существует ли взаимосвязь религиозно-мировоззренческих установок россиян с их отношением к возможным социальным и политическим преобразованиям и каков запрос общества в данной ситуации к религиозным организациям. Для ответа на первый вопрос можно поставить следующие задачи: какие религиозно-мировоззренческие группы россиян склоняются к переменам, что их не устраивает в сложившейся ситуации, что хотели бы получить в результате

перемен и на что готовы пойти ради реформ; иными словами, как самоидентификация с той или иной религиозно-мировоззренческой группой влияет на социальное самочувствие и политическое поведение россиян.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, сравним мнения и стратегии поведения представителей основных религиозно-мировоззренческих групп россиян².

Ключевым политическим значением обладает оценка гражданами общего климата для проживания в стране. Во многом она является показателем политической стабильности, а также либо поддержки, либо недовольства общества политико-управленческими решениями и их следствиями. В российском массовом сознании обстановка в стране в целом воспринимается как более напряженная по сравнению со своим регионом и тем более своим населенным пунктом (табл. 1): положение дел в стране всеми группами оценивается скорее со знаком «минус», в регионе неоднозначно, в своем населенном пункте скорее со знаком «плюс» или нейтрально; также во всех группах среди негативных оценок резкие («ситуация катастрофическая») звучат заметно реже умеренных («ситуация напряженная, кризисная»). При этом из четырех групп наиболее оптимистичны в оценках мусульмане, на втором месте по степени оптимизма в данном вопросе внеконфессиональные верующие, на третьем – православные, и наиболее пессимистичны атеисты. Так, разница позитивных и негативных отзывов о положении дел в стране колеблется в интервале от –38% среди атеистов, –27% среди православных и –21% среди внеконфессиональных верующих до –7% в группе мусульман. Ситуацию в своем регионе атеисты и православные оценивают скорее отрицательно: –17% и –6% соответственно, а внеконфессиональные верующие и мусульмане скорее положительно: +4% и +18%. Обстановку в своем населенном пункте во всех группах считают скорее нормальной, спокойной, впрочем, если оценки атеистов близки к нейтральным (положительные отзывы перевешивают отрицательные всего на 2%), то в остальных группах эта разница заметнее: от +6% группе православных и +13% среди внеконфессиональных верующих и до +39% среди мусульман. Индекс оценки социально-политической ситуации стране, рассматриваемый как разница позитивных и негативных оценок, находится в отрицательной зоне, если речь идет о ситуации в России в целом. Соответственно, параметры необходимости для определенных перемен масштабируются до общего и предъявляется запрос на перемены непосредственно к государству. Более частные выводы позволяют констатировать привязанность к месту проживания (ре-

² В статье используются данные 9-й волны (октябрь 2018, N = 4000, подробнее о выборке см.: [8. С. 11–12]) мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН 2014–2018 гг., выполненного при поддержке РНФ. Выделены следующие религиозно-мировоззренческие группы: православных (67%), мусульман (5%), внеконфессиональных верующих (9%), атеистов (11%).

гиону и населенному пункту) прежде всего сторонников ислама и более мягкую оценку ситуации, вероятнее всего амортизируемые традиционными параметрами оформления публичной и частной жизни.

Таблица 1 / Table 1

Оценка ситуации в России, % / Assessment of the situation in Russia, %

Оценка ситуации / Assessment of the situation	Все / Total	Православные / Orthodox	Мусульмане / Muslims	Верующие вне конфессий / Non-denominational believers	Атеисты / Atheists
В России в целом / In Russia as a whole					
Ситуация нормальная, спокойная / The situation is normal, calm	31	31	41	35	27
Ситуация напряженная, кризисная / The situation is tense, crisis	51	51	44	47	54
Ситуация катастрофическая / The situation is catastrophic	8	7	4	9	11
Разница позитивных и негативных оценок / Difference between positive and negative ratings	-28	-27	-7	-21	-38
Затруднились ответить / Difficult to answer	11	11	10	9	9
В своем регионе / In their region					
Ситуация нормальная, спокойная / The situation is normal, calm	43	43	55	49	39
Ситуация напряженная, кризисная / The situation is tense, crisis	42	43	30	39	46
Ситуация катастрофическая / The situation is catastrophic	7	6	7	6	10
Разница позитивных и негативных оценок / Difference between positive and negative ratings	-6	-6	+18	+4	-17
Затруднились ответить / Difficult to answer	8	8	8	6	6
В своем населенном пункте / In their locality					
Ситуация нормальная, спокойная / The situation is normal, calm	51	50	65	54	48
Ситуация напряженная, кризисная / The situation is tense, crisis	35	37	19	33	36
Ситуация катастрофическая / The situation is catastrophic	8	7	7	8	10
Разница позитивных и негативных оценок / Difference between positive and negative ratings	+8	+6	+39	+13	+2
Затруднились ответить / Difficult to answer	6	6	10	5	6

Источник / Source: составлено авторами.

Если рассмотреть оценки представителями религиозно-мировоззренческих групп ситуации в стране в динамике – год в прошлое и год в будущее с момента опроса – то тенденция, по крайней мере краткосрочная, вырисовывается негативная. И перемены за последний год, и перспективы на ближайший год воспринимаются всеми религиозно-мировоззренческими группами со знаком «минус». Наиболее оптимистичны в оценках прошлого и будущее-

го также мусульмане, наиболее пессимистичны атеисты (разница позитивных и негативных оценок произошедших за год перемен среди мусульман составляет –16%, среди атеистов –39%; перспектив в ближайший год: –23% и –34% соответственно). Связанное с оценками ситуации чувство тревожности подтверждается и оценкой социального напряжения: доминирующим является мнение, что социальное напряжение в России в целом, а также в регионе проживания возрастает³.

Можно отметить солидарность восприятия представителями всех религиозно-мировоззренческих групп происходящих в стране изменений скорее как регресса. При этом, как правило, наиболее скептически в оценках атеисты, наименее – мусульмане. Конкретизация данных положений в оценках изменения ситуации в 11 социально-политических сферах жизни российского общества за последние 5 лет (улучшилась, не изменилась или ухудшилась)⁴, показывает также отрицательные значения индекса. Так, разница ответов «улучшилась» и «ухудшилась» в каждой группе в среднем (имеются в виду средние арифметические значения по всем 11 сферам) оказывается со знаком «минус»: от –32% среди атеистов, –26% среди внеконфессиональных верующих и –20% среди православных до –13% среди мусульман.

Наибольшую обеспокоенность всех групп вызывает ухудшение финансового положения россиян (речь идет об уровне жизни и пенсионном обеспечении) и моральная деградация, а также растущая социальная незащищенность населения. Кроме того, высокий уровень тревожности (разница позитивных и негативных ответов в диапазоне от –43% до –40%) у внеконфессиональных верующих и атеистов связан с состоянием экономики в стране, а у атеистов также с международным положением России.

Единственная сфера, изменения в которой оцениваются скорее позитивно, – это борьба с терроризмом. Если брать религиозную проекцию внешних угроз, то среди фиксируемой активизации и приобретения угрожающих и диверсифицированных форм проявлений международного религиозного терроризма наиболее четко проявляется угроза деятельности исламистских субъектов, причем как террористическая и военная, так и связанная с аттрактивностью их идеологии и методами привлечения последователей. Ак-

³ Так, разница позитивных и негативных оценок изменений социального напряжения в России составляет в группе мусульман –9%, атеистов –51%; в своем регионе соответственно –5 и –42%, в своем поселении +3 и –36%. Православные традиционно пессимистичнее внеконфессиональных верующих: разница оценок этими группами изменения социального напряжения в России –38 и –32%, в своем регионе –31 и –18%, в своем поселении –27 и –12%.

⁴ Были предложены следующие 11 сфер социальной и политической жизни: состояние экономики страны в целом, уровень жизни населения, моральное состояние общества, уровень межнациональной (межэтнической) напряженности, международное положение страны, ситуация в области прав и свобод, развитие демократии, борьба с коррупцией, законность и правопорядок, борьба с терроризмом, ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура), пенсионное обеспечение, ситуация в сфере культуры и искусства.

тивная деятельность организации Исламского государства (деятельность в РФ запрещена) на территории других государств, террористические акты в различных странах не только заставляют пересматривать интерпретацию традиционно-действенных парадигм и схем интерпретации мировой и публичной политики, но и ставят вопрос о пересмотре иерархии ценностей, как несущих конструкций современности, и внешнеполитических конфигураций. При этом именно позиция России как локомотива борьбы с терроризмом, ее предложения по консолидации усилий мирового сообщества, активные действия в направлении непосредственной борьбы с терроризмом определяют позитивные оценки и общественную поддержку всех религиозно-мировоззренческих групп. Это артикулируется и верховной властью: «...мы нанесли поражение уже практически побеждавшему на территории Сирии террористическому интернационалу и предотвратили возвращение, инфильтрацию в нашу страну и в соседние государства, с которыми у нас, кстати, нет визового режима, у нас прозрачные с ними границы, предотвратили инфильтрацию к нам сотен, а может быть, в дальнейшем тысяч вооруженных головорезов» [9]. Следует подчеркнуть, что проблема исламистской экстремистской угрозы не перерастает в российском обществе в исламофобию, скорее воспринимается как нечто внешнее и угрожающее всему российскому поликонфессиональному устройению, как политическая или глобальная угроза, чем как собственно религиозная.

Таким образом, оценки сложившейся ситуации в стране маркируют отчетливый запрос на необходимость перемен, что отражается в параметрах социально-политического и социально-психологического самочувствия. При этом религиозно-мировоззренческий фактор не оказывает существенного воздействия на оценку социально-политической ситуации, за исключением более оптимистических оценок у последователей ислама. Конкретизация данного сюжета отражается в распределении мнений в этих группах по вопросу о том, нужны ли стране существенные перемены, политические и экономические реформы, или важнее стабильность⁵. И если важнее реформы, то в каких именно областях.

Если обратиться к парным суждениям о выборе векторов политического развития, то иерархия приоритетных желательных для страны перемен выстраивается религиозно-мировоззренческими группами во многом сходно, хотя есть некоторые расхождения (табл. 2). Так, политические свободы для групп православных, внеконфессиональных верующих и атеистов (по 83–84%) представляются несколько более значимыми, чем для группы мусульман (74%). Социальные гарантии для групп православных и мусульман (78%

⁵ Среди воцерковленных православных – тех, кто в свободное время посещает церковь, религиозные службы (а таковых 12%), – наблюдается небольшой перевес мнений в пользу стабильности (55% против 45%). Это подтверждает стабилизирующий ресурс реальной религиозности.

и 75%) более важны, чем для групп внеконфессиональных верующих и атеистов (70–71%), поскольку в двух последних группах меньше доли тех, кому без господдержки не выжить. Так же и госконтроль над экономикой для православных и мусульман, как правило, более значим (72–73%) по сравнению с двумя другими группами (по 59%). Влияние граждан на принятие государственных решений в качестве приоритета указывают примерно по две трети в каждой из изучаемых групп.

Таблица 2 / Table 2

Какие Вы видите приоритеты для осуществления желательных для страны перемен? (один ответ в каждой паре суждений), % / What priorities do you see for the implementation of desirable changes for the country? (one answer in each pair of judgments), %

Пары суждений / Pairs of judgments	Все / Total	Православные / Orthodox	Мусульмане / Muslims	Верующие вне конфессий / Non-denominational believers	Атеисты / Atheists
Обеспечение политических свобод, честных выборов, права на митинги и демонстрации / Ensuring political freedoms, fair elections, the right to rallies and demonstrations	83	83	74	83	84
Временное ограничение в целях обеспечения стабильности в обществе политических прав и свобод граждан / Temporary restriction in order to ensure stability in society of political rights and freedoms of citizens	17	17	26	17	17
Расширение государством социальных гарантий граждан / Expansion of social guarantees of citizens by the state	76	78	75	70	71
Стимулирование личной ответственности, защита государством только социально уязвимых слоев населения / Stimulation of personal responsibility, protection by the state only socially vulnerable segments of the population	24	22	25	30	29
Усиление контроля государства над экономикой, развитие государственного планирования / Strengthening state control over the economy, development of state planning	69	73	72	59	59
Отказ от государственного вмешательства в экономику, развитие свободного рынка / Rejection of state intervention in the economy, the development of the free market	31	28	28	41	41
Повышение открытости органов власти, увеличение возможностей для влияния граждан на принятие важных государственных решений / Increasing the openness of authorities, increasing opportunities for citizens to influence important government decisions	68	69	65	69	64
Ограждение органов власти от некомпетентного влияния бизнеса, политических и общественных организаций и отдельных граждан / Protection of authorities from incompetent influence of business, political and public organizations and individuals	32	31	35	31	36
Укрепление централизованной власти, властной вертикали / Strengthening of centralized power, power vertical	57	59	54	55	46
Децентрализация власти, расширение прав региональных и муниципальных органов власти / Decentralization of power, empowerment of regional and municipal authorities	44	41	46	45	54
Преодоление острой конфронтации с Западом / Overcoming the acute confrontation with the West	54	53	53	59	58
Противостояние Западу, отстаивание независимости России при опоре на собственные силы / Opposing the West, defending Russia's independence while relying on its own forces	46	48	47	41	42

По поводу необходимости централизации/децентрализации власти явно-го консенсуса как внутри групп, так и между группами не наблюдается. Православные и, в несколько меньшей степени, мусульмане и внеконфессиональные верующие высказываются скорее за усиление властной вертикали (59 и 54–55%), в то время как атеисты скорее за децентрализацию (54%), впрочем, перевес мнений в ту и другую сторону невелик. Что касается отношений России с Западом, то стремление к преодолению конфронтации во всех четырех группах хоть немного, но перевешивает тягу к противостоянию; при этом внеконфессиональные верующие и атеисты проявляют несколько больше заинтересованности в мирном урегулировании конфликтов (58–59%), на фоне православных и мусульман (по 53%).

Таким образом, приоритетными политическими сферами для перемен для граждан России, вне зависимости от религиозно-мировоззренческой принадлежности, выступают внутривнутриполитические. Внешнеполитический вектор конфронтации или сотрудничества представляется определенным показателем традиционного деления российского общества. Запрос на перемены затрагивает области политических прав, открытость власти и возможности диалога с обществом, а также запрос на участие в решении проблем. Также следует отметить предъявляемый запрос на обеспечение государством атрибутивных функций, включая выражение общих интересов, обеспечение социальных гарантий, установление и обеспечение соблюдения четких правил игры.

Как видим, в обществе в целом и в религиозно-мировоззренческих группах в частности существует запрос на перемены, в том числе запрос на обеспечение политических свобод, честных выборов, права на митинги и демонстрации, а также увеличение возможностей для влияния граждан на принятие важных государственных решений. В связи с этим закономерен вопрос, в какой мере изучаемые группы готовы брать на себя ответственность и участвовать в общественной и политической жизни.

Большинство представителей каждой из групп за последний год (перед опросом) не принимали участия в деятельности каких-либо общественных движений, организаций. Если в группе мусульман таковых 61%, то в трех других группах социально пассивные респонденты составляют подавляющее большинство – 80–81%. Мусульмане оказываются более активными, по сравнению с православными, и в плане участия в деятельности религиозных организаций (10% мусульман и 1% православных).

В политической жизни за последний год мусульмане также проявляли себя более активно: не принимали в ней никакого участия только 32% представителей этой группы, на фоне 42% православных, 52% атеистов и 58% внеконфессиональных верующих – самой пассивной в политическом отношении группы. Самая распространенная форма политического участия представителей групп – голосование на выборах, из четырех групп наиболее активные избиратели фиксируются среди православных (51%), наименее ак-

тивные – среди внеконфессиональных верующих (34%). На втором месте в рейтинге самых популярных форм политического участия для православных, атеистов (18–19%) и, в чуть меньшей степени, внеконфессиональных верующих (14%) – обсуждение политических событий с друзьями и коллегами. Для мусульман на втором месте в рейтинге помимо дискуссий также участие в избирательных кампаниях в роли наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т. п. (по 16–17%).

Наибольшей значимостью для анализа данной ситуации представляется то, что вне зависимости от религиозно-мировоззренческой ориентации граждане России наиболее расположены защищать экономические и социальные права граждан, нежели политические. Самым высоким протестным потенциалом среди религиозно-мировоззренческих групп обладают мусульмане⁶, что указывает на более активистский характер участия последователей ислама во всех формах возможного участия. Скорее всего, артикуляция политических требований не происходит в силу отсутствия политической субъектности, однако запрос на изменение политической системы и правил ее функционирования налицо. В условиях отсутствия институционализированных субъектов, способных стать драйверами перемен, закономерен вопрос: какая группа или общественный слой могли бы стать инициаторами или катализатором социально-политических изменений. Показателем консенсуса религиозно-мировоззренческих групп по данному вопросу: среди различных групп общества в переменах наиболее заинтересована молодежь, наименее – священнослужители [10].

Представленные положения подтверждаются и другими исследованиями. По данным исследования Фонда Карнеги и Левады-центра «Мы ждем перемен – 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения» 2019 года, 60% россиян считают, что необходимы перемены. Более половины согласились с тем, что перемены в нашей стране возможны «только при условии серьезных изменений политической системы». Лишь треть опрошенных выбрала вариант перемен «в рамках нынешней политической системы». Подобное распределение не говорит о полной готовности людей к смене власти. Однако оно означает, что внутри общества продолжает нарастать недовольство положением дел в стране. И эти настроения все чаще будут прорываться наружу, в том числе в виде различных протестных акций [11].

⁶ В пользу данных выводов свидетельствуют различия между группами в разнице тех, кто безусловно или скорее всего готов участвовать в массовых протестах, и тех, кто в той или иной мере не готов; а также различия в долях наиболее вероятных («безусловных») протестующих. Так, выражают безусловную готовность участвовать в массовых акциях в защиту демократических прав и свобод 25% мусульман, 5–7% православных и атеистов и 1% внеконфессиональных верующих; в защиту экономических и социальных прав граждан соответственно 22%, по 11 и 7% в этих группах.

Заключение

Если религиозный фактор не оказывает существенного влияния на запрос общества на политические изменения, это позволяет говорить о его неконфронтационном характере для внутривнутриполитических отношений и неважности при желаемом выборе социально-политического развития. Это еще раз подтверждает поликонфессиональный характер России как имманентное начало, не продуцирующее политические противоречия на уровне всего общества.

В рассматриваемых координатах запроса общества на внутривнутриполитические изменения справедливым представляется обращение к соотношению традиции и современности в представлениях о желаемом пути развития России сквозь призму религиозных интенций. Институциональные преобразования политической системы не могут рассматриваться в отрыве от ценностного контекста. Более того, ценности накладывают отпечаток не только на политическую культуру или способы политического участия, но и на нормативное наполнение и оценку деятельности власти и институтов. Фиксируемые социологическими исследованиями идейные воплощения желаемого будущего коррелируют с культурно-цивилизационными характеристиками [10], а также с запросом на социально-политические изменения. Поэтому в массовом сознании религиозно-мировоззренческих групп присутствуют представления о социально-политической структуре, основным критерием которой выступает социальная справедливость. Ее параметры связаны не только с доступом к базовым социальным благам, но также с равенством всех перед законом, обеспечением демократии и прав человека, что является прерогативой государства. В культурно-цивилизационной и геостратегической проекции восстановление статуса великой державы присутствует в массовом сознании не только как желаемый политический проект, но и наделяется новыми внутривнутриполитическими проекциями, также связанными с контекстами социальной справедливости (например, благосостояние и развитая наука). Последний сюжет, связанный с универсализирующим началом, превалирует над частными параметрами возвращения к национальным традициям и ценностям. Соответственно проекция России как особой цивилизации перекрывает возможности и либерально-западнического (вхождение в «общеевропейский дом», рынок и частная собственность), и русско-националистического характера («Россия для русских»)⁷.

Стабильность социального бытия во многом обеспечивается единством предпочтений, в том числе и приверженцев различных религиозно-мировоззренческих течений. Формируемый в российском обществе запрос на перемены не выявляет, несмотря на существующие дискуссии, конфлик-

⁷ Следует подчеркнуть, что различия между группами здесь в ряде случаев проявляются весьма отчетливо. Так, лозунги «общеевропейского дома» и свободного рынка существенно более значимы для респондентов-атеистов, тогда как «Россия для русских» – для православных [12].

тогенного или демаркационного воздействия религиозного фактора. В разрезе российской поликонфессиональности, наличия светских и религиозных идентичностей можно констатировать общность основных параметров социально-политического характера, демонстрирующих, что глубинных препятствий мировоззренческого характера для артикуляции общих интересов, направленных на социально-политические перемены или на консервацию, не существует.

Библиографический список

- [1] *Temptations of Power: Islamists & Illiberal Democracy in a New Middle East* / ed. by Shadi Hamid. Oxford and N-Y: Oxford University Press, 2015. 269 p.
- [2] *Узланер Д.А.* Религия и политика: неразрывный симбиоз? Обзор современных тенденций // *Россия в глобальной политике*. 2019. № 1. С. 10–24.
- [3] Комментарий Отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ в связи с публичным обращением ряда священнослужителей по фигурантам дела о задержанных в ходе протестов в Москве. 18.09.2019 // Официальный сайт Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского Патриархата. Режим доступа: <https://sinfo-mp.ru/kommentarij-otdela-po-vzaimootnosheniyam-czerkvi-s-obshhestvom-i-smi-v-svyazi-s-publichnym-obrashheniem-ryada-svyashhenoslužhitelej-po-figurantam-dela-o-zaderzhannyh-v-hode-protestov-moskve.html>. Дата обращения: 20.10.2019.
- [4] *Пронина Т.С.* Возрождение религиозных институтов в постсоветской России: структурно-функциональный анализ // *Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина*. 2018. № 3. С. 182–195.
- [5] Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 18-ю по Пятидесятнице после Литургии в Свенском Успенском мужском монастыре 20.10.2019 // *Русская Православная Церковь*. Официальный сайт Московского патриархата. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5516341.html>. Дата обращения: 21.10.2019.
- [6] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.10.2019 № 2683-О по жалобе местной религиозной организации Церковь евангельских христиан-баптистов «Примирение» города Йошкар-Олы Республики Марий Эл на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 2 и 3 статьи 8 и пунктом 3 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250011>. Дата обращения: 20.10.2019.
- [7] Адвокат Сергей Чугунов: Конституционный Суд РФ признал законным расширение территориальной сферы деятельности религиозной организации при осуществлении миссионерской деятельности // *Сетевое издание «Религия и право»*. 29.10.2019. Режим доступа: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=514&ELEMENT_ID=8162. Дата обращения: 02.11.2019.
- [8] *Российское общество и вызовы времени*. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
- [9] Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 03.20.2019 // Официальный сайт Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719>. Дата обращения: 01.10.2019.
- [10] Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» // Официальный портал Института социологии РАН. Режим доступа: https://www.isras.ru/rezume_ros_obschestvo_osen_2018. Дата обращения: 20.10.2019.

- [11] Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен – 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения // Московский центр Карнеги. Ноябрь 2019. Режим доступа: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273>. Дата обращения: 20.10.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 14.11.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21

Research article

Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-political Preferences

M.M. Mchedlova¹, E.N. Kofanova²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

^{1,2}Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovsky Str., 24/35, build. 5, Moscow, Russian Federation, 117218

Abstract. The religious factor is now at the focus of theoretical and public discussions, addressing the issues of understanding and evaluation of its manifestation forms in various spheres of society: intra-Church, private, public and political. Numerous research focuses account for the variability of interpretations of how the religious factor impacts the political process, in Russia among other countries. The political connotations of the religious factor in relation to the domestic political sphere imply identification of its impact on the nature of socio-political demands, assessment of the situation in the country, visions of development, unity or demarcation lines in public consciousness and behavior. Demand for change in Russian society is shared by all religious and ideological groups, which is confirmed by sociological studies. This demand manifests itself in a plea to reform the political system to achieve greater openness on the one hand, and provide social guarantees, as well as ensure efficient institutional functioning, on the other. The issue of political subjectivity and readiness for certain actions demonstrates unequal activism among representatives of various religious and ideological groups. Filling the image of the desired future with the meanings of social justice related not only to common access to basic social benefits, but also to equality of all before the law, ensuring democracy and human rights, as well as universal geopolitical meaning, confirms the shared nature of the main socio-political parameters. These parameters demonstrate that there are no deep ideological obstacles on the way to articulation of common interests, which are aimed at socio-political changes or maintaining traditional foundations. In the context of Russian multi-religious society, which coexists with secular identities, the conclusion above is of key importance for ensuring social consolidation. The article is based on data from a nationwide representative survey of the Institute of Sociology 2018 (No. 4000), in which the authors personally participated.

Key words: religion, politics, religious and ideological groups, changes, justice, political system, political participation, socio-political preferences, image of the future, Russia

References

- [1] *Temptations of Power: Islamists & Illiberal Democracy in a New Middle East*. Ed. by Shadi Hamid. Oxford and N-Y: Oxford University Press.; 2015. 269 p.

- [2] Uzlaner D. Religion and Politics: An Unbreakable Symbiosis? A Review of Current Trends. *Russia in Global Affairs*. 2019; 1–19: 10–24. Available from: <https://eng.globalaffairs.ru/book/Religion-and-Politics-An-Unbreakable-Symbiosis-20147>. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).
- [3] Comment of the Department for relations of the Church with society and the media in connection with the public appeal of a number of priests on the defendants in the case of detainees during the protests in Moscow. *Official website of the Synodal Department for Church-society and media relations of the Moscow Patriarchate*. 18.09.2019. Available from: <https://sinfo-mp.ru/kommentarij-otdela-po-vzaimootnosheniyam-czerkvi-s-obshhestvom-i-smi-v-svyazi-s-publichnym-obrashheniem-ryada-svyashhennosluzhitelej-po-figurantam-dela-o-zaderzhannyh-v-hode-protestov-moskve.html>. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).
- [4] Pronina T.S. Revival of Religious Institutions in Post-Soviet Russia: Structural and Functional Analysis. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2018; 3: 182–195 (In Russ.).
- [5] The word of his Holiness Patriarch Kirill in the week of the 18th Pentecost after the Liturgy in the Svensk assumption monastery 20.10.2019. *Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarchate*. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5516341.html>. Accessed: 21.10.2019 (In Russ.).
- [6] The definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 10.10.2019 No. 2683-O on the complaint of a local religious organization Church of Evangelical Christians-Baptists “Reconciliation” of the city of Yoshkar-Ola of the Mari El Republic on the violation of constitutional rights and freedoms by paragraphs 2 and 3 of article 8 and paragraph 3 of article 24.2 of the Federal law “On freedom of conscience and on religious associations” and paragraph 4 of article 5.26 of the Code of the Russian Federation about administrative offences. *Official Internet portal of legal information. State system of legal information*. Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250011>. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).
- [7] Lawyer Sergey Chugunov: The Constitutional Court of the Russian Federation has recognized the legal expansion of the territorial sphere of activity of a religious organization in the implementation of missionary activities. *Religion and Law*. Online edition. 29.10.2019. Available from: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=514&ELEMENT_ID=8162. Accessed: 02.11.2019 (In Russ.).
- [8] *Russian Society and Challenges of the Time*. Book Five. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Izdatelstvo VES MIR; 2017. 424 p. (In Russ.).
- [9] Vladimir Putin spoke at the final plenary session of the XVI session of the Valdai international discussion club. *Official website of the President of Russia*. 03.20.2019. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719>. Accessed: 01.10.2019 (In Russ.).
- [10] Information and analytical summary based on the results of the all-Russian sociological study “Russian Society in Autumn 2018: Worries and Hopes”. *Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences*. Official website. Available from: https://www.isras.ru/rezюме_ros_obschestvo_osen_2018. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).
- [11] Kolesnikov A., Volkov D. We are Waiting for Changes-2. Why and How the Demand for Radical Changes is Formed. *Carnegie Moscow Centre*. November 2019. Available from: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273>. Accessed: 20.10.2019 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 14.11.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторах:

Мчедлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ORCID ID: 0000-0002-4635-1741) (e-mail: mchedlova_mm@rudn.ru).

Кофанова Елена Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: elena_kofanova@mail.ru).

Information about the authors:

Maria M. Mchedlova – Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Chief Researcher of the Center “Religion in Contemporary Society”, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-4635-1741) (e-mail: mchedlova_mm@rudn.ru).

Elena N. Kofanova – PhD in Social Sciences, Senior Researcher of the Center “Religion in Contemporary Society”, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (e-mail: elena_kofanova@mail.ru).

Для цитирования:

Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 7–21. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21

For citation:

Mchedlova M.M., Kofanova E.N. Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-political Preferences. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 7–21. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-7-21